

Глава 122. Бесстыдник Ли Гоудань

Гоудань нахмурился:

— Ты чего? Заболел? Почему бледный такой?

Ван Сюань отвернулся, пряча взгляд:

— Вчера зачитался допоздна. Не выспался.

Гоудань шумно вздохнул и, не слушая возражений, крепко схватил его за руку и потянул за собой. Ван Сюань шел следом, понуриив голову и погрузившись в свои думы. Шаги старшего становились все шире, и он едва поспевал за ним.

— Нам же не в ту сторону... Универмаг в другой стороне...

— Да какой еще универмаг! — отмахнулся Гоудань. — К черту покупки, завтра ходим. Сначала выпипись нормально.

Ван Сюань не на шутку встревожился и попытался высвободить ладонь, но Гоудань держал намертво — аж кожа на запястье покраснела.

— Брат Гоудань, ты чего творишь? Отпусти сейчас же! Не глупи, мы ведь за одеждой шли. Какое «спать» среди бела дня?

— Да ты на себя посмотри! С самого начала семестра ни дня нормально не отдыхал. То западная медицина, то традиционная китайская... Совсем себя не бережешь! И вообще, преподаватели же сами говорят, что в нашем деле торопиться нельзя, мастерство приходит с годами. Вот и не гони коней. Получишь диплом — вся жизнь впереди, успеешь еще во всем разобраться.

— Ну хорошо, хорошо... Только руку сначала отпусти! Сбавить обороты я всегда успею, но почему именно сейчас?

— Не спорю я. Видеть тошно, какой ты изнуренный да бледный. Сначала отоспишься, а остальное подождет.

Ван Сюань окончательно потерял терпение и с силой вырвал руку:

— Ты с ума сошел? Если мне и нужно поспать, я могу сделать это в общежитии! Зачем ты меня на улицу тащишь?

Гоудань на секунду задумался, но быстро нашелся:

— Раз уж вышли, зачем возвращаться? Да и знаю я тебя: стоит тебе переступить порог комнаты, как снова уткнешься в свои конспекты. Ни за что ведь спать не ляжешь!

— Думаешь, у меня денег на комнату не найдется? Вот погоди, как только выкрою время заняться делами...

— Да кто же сомневается! Но тебе самому это не кажется глупостью?

Действительно, тратить деньги на гостиницу, когда под боком есть бесплатная кровать в общежитии, выглядело по меньшей мере странно.

— И что тут странного? — заупрямился Гоудань. — Мы уже на улице. К тому же разве мы раньше не спали на одной постели? Или ты хочешь препираться со мной прямо здесь, у всех на виду?

Ван Сюань огляделся. Мимо ворот университета то и дело проходили студенты, а дежуривший на проходной охранник уже посматривал в их сторону с явным подозрением, гадая, не собираются ли два парня затеять драку.

Ван Сюань смирился. Ему ничего не оставалось, кроме как покорно позволить утащить себя. Гоудань же, довольный своей маленькой победой, весело зашагал вперед, не выпуская его ладони из своей. По дороге он без умолку болтал, делаясь новостями за последнее время.

— Говорят, первокурсная стипендия в этом семестре будет приличной, — подмигнул он. — Если удастся ее получить, закроем кучу расходов. Кстати, ты на каком месте по результатам промежуточной проверки?

— Первый на потоке, — тихо ответил Ван Сюань.

Гоудань так и застыл на месте:

— Кто бы сомневался... Ох и силен же ты, А-Сюань!

Сам Гоудань в своей группе шел третьим, а на всем первом курсе факультета экономики и политики занимал лишь восьмую строчку. На фоне успехов друга его собственные достижения казались блеклыми.

— Ты действительно невероятный.

Ван Сюань смущенно отвел глаза:

— На медицинском учится гораздо меньше народу, чем у вас. Всего-то несколько групп.

Но даже так это было выдающимся результатом. В каждой группе училось не меньше тридцати, а то и пятидесяти человек. Пять групп — это без малого две сотни соперников.

Гоудань изучал экономику, но в те годы эта дисциплина была неразрывно связана с политикой. Программа обучения строилась причудливо, хотя поговаривали, что со временем эти направления разделят. Пока же студентам приходилось постигать финансовые законы через призму государственных директив, что изрядно усложняло учебу. В стране, где господствовала плановая экономика, любой шаг координировался свыше — без одобрения партии невозможно было наладить даже самое мелкое производство.

Показав на стойке регистрации студенческие билеты, Гоудань без труда снял приличный номер. То, что двое парней держались за руки, ни у кого не вызвало подозрений: в те времена бдительные граждане следили за моральным обликом мужчин и женщин, а крепкую мужскую дружбу никто не думал клеймить позором. Мало ли, может, родственники приехали или просто закадычные товарищи. О том, какие мысли могут возникнуть у людей будущего при виде такой картины, они, разумеется, не догадывались.

Они быстро получили ключи. Гостиница оказалась на удивление современной: в каждом номере была собственная душевая с горячей водой, подведенной прямо от котельной, и даже батареи вовсю дышали теплом. Дорога от университета заняла от силы двадцать минут, но и цена за такое удовольствие кусалась.

Ван Сюань посмотрел на Гоуданя как на умалишенного. Снимать дорогой номер при наличии бесплатного места в общежитии — разве это не верх расточительства?

Гоудань лишь весело ухмыльнулся. Ему просто хотелось воспользоваться удобным предложением и насладиться комфортом. Он с разбегу повалился на широкую кровать, с наслаждением пружиня на мягком матрасе, после чего сладко зажмурился и похлопал по постели рядом с собой, приглашая друга.

Ван Сюань присел на край и слегка потянул наглеца за ухо:

— И что ты задумал, скажи на милость?

— Спать, конечно.

Раз уж дело было сделано, спорить не имело смысла. Ван Сюань вздохнул. Наверное, действительно стоило просто расслабиться и наконец-то выспаться.

Последние две недели он почти не смыкал глаз. Стоило ему остаться наедине со своими мыслями, как в памяти всплывали слова Гоуданя: «Давай всегда жить вместе». Эти слова изводили его, заставляя терзаться сомнениями.

«Неужели он просто ляпнул это к слову? Как говорят все закадычные друзья, которые

клянутся сохранить верность друг другу даже после женитьбы? Обычная, чистая братская привязанность...»

«Значит ли его "всегда быть вместе" лишь то, что мы построим дома по соседству и проживем бок о бок до старости?»

«Но мне-то этого мало. Я хочу совсем другого».

«А вдруг брат Гоудань думает точно так же? Если это взаимное чувство, то как нам потом смотреть людям в глаза? Мне-то терять нечего, я сирота, но у него ведь есть семья...»

От этих мыслей голова шла кругом, лишая покоя. Стоило забыться тревожным сном, как накатывали кошмары.

— Вставай давай, иди в душ, — Ван Сюань легонько пихнул его в бок. — Сколько раз повторять: не ложись на постель в уличной одежде, она же пыльная.

— Ну еще минутку... Тут так мягко, что шевелиться неохота.

В душевой обнаружилась горячая вода, а парная духота быстро разнеслась по комнате, смешиваясь с теплом от радиаторов.

— У нас в общежитии даже отопления нет, — пробормотал Гоудань, лениво поднимаясь. — Слышал, в столице зимой топят так, что хоть раздевайся, да только плата за это неподъемная.

— Нам-то что с того? Накроемся вторым одеялом, делов-то. Иди уже мыться, на воротнике у тебя слой пыли. Если пойдешь примерять новые вещи в таком виде, продавцы тебя на порог не пустят.

— Да не глупый я, чтобы грязный воротник показывать, — проворчал парень, но все же нехотя поплелся в ванную. Вскоре оттуда донеслись его довольные вздохи.

Гоудань плескался долго, явно наслаждаясь горячим потоком. Ван Сюаню пришлось дважды поторопить его, прежде чем тот наконец вышел, шлепая босыми ногами по полу. На нем были только трусы, а влажную одежду он небрежно бросил на стул — ведь сменного белья они с собой не взяли.

— Эх, и толку от этого мытья, если чистую задницу придется совать в грязные трусы? — вздохнул наглец.

Ван Сюань лишь покачал головой и сам отправился в душевую. Горячая вода приятно успокаивала натруженное тело, смывая усталость последних дней. Мышцы расслабились,

мысли потекли лениво и плавно. Неудивительно, что Гоудань застрял здесь так надолго.

Вскоре снаружи послышался настойчивый стук.

Ван Сюань наскоро ополоснулся, не рискуя задерживаться: этот бесстыдник вполне мог ввалиться прямо так, без спроса, и уставить на него, скрестив руки на груди. От него станется.

Когда Ван Сюань вышел, вытирая коротко стриженную голову, Гоудань встретил его хитрой улыбкой. Оба они носили простые короткие стрижки.

В детстве Гоудань и вовсе ходил бритым наголо — ножниц дома не водилось, а деревенскому парикмахеру за работу приходилось отдавать то пару яиц, то горсть риса. Мальчишка считал это непозволительной роскошью и предпочитал бриться под ноль, чтобы подольше не зарастать. До четвертого класса он так и сверкал круглой головой. Череп у него был упрямый, с выдающимся затылком — сразу видно, характер не из легких.

Сейчас он подрост, и короткий ежик волос выгодно подчеркивал его возмужавшее лицо с резкими, жесткими чертами. Его нельзя было назвать красавцем в привычном смысле слова — в кино тогда снимались круглолицые, статные актеры с правильными чертами лица и открытым взглядом. Гоудань же обладал суровой, почти хищной внешностью: узкие разрезы глаз без двойного века, тяжелые брови, крепкая челюсть. Такой парень с первого взгляда внушал опасение.

— Ну и чего ты уставился? Неужто залюбовался? — Гоудань упер руки в бока, щеголяя широкой белозубой улыбкой. Из одежды на нем оставались лишь тонкие четырехклиновые трусы.

Ван Сюань запустил в него подушкой:

— Совсем спятил? Чему радуешься? Волосы вытер бы сначала.

Тот увернулся от подушки и беззастенчиво шагнул навстречу. Ван Сюань как раз собирался повесить свое полотенце на стул.

— Ты чего притираешься? Отойди, и так тесно, — Ван Сюань попытался протиснуться мимо, но крепкие руки мгновенно обхватили его за талию, прижимая к горячему телу.

Под тонкой тканью белья Гоуданя уже отчетливо проступало твердое, налившееся силой естество.

Ван Сюань вспыхнул до корней волос и сердито зашипел:

— Что ты творишь?! Отпусти меня, извращенец несчастный!

— Ну не злись... Мы же так давно этого не делали. Я ужасно соскучился...

Лицо Гоуданя сделалось невинным и просящим, словно у побитой собаки, но его налитое, упругое тело с четкими кубиками пресса говорило об обратном. Раньше Ван Сюань, возможно, уступил бы — в конце концов, обоим нужно было как-то давать выход молодой силе, — но теперь, когда в его душе поселились сомнения, он не мог позволить себе действовать так бездумно.

— Отвяжись. Ты ведь сам уложил меня спать!

Ван Сюань резко рванул на себя одеяло, забрался под него и завернулся так плотно, что стал похож на плотный кокон.

Гоудань почесал затылок и улегся рядом. Своего одеяла у него не было, поэтому он просто раскинул руки и ноги, уставившись в потолок. Кровать была достаточно просторной, и Ван Сюань, сжавшись на самом краю, занимал лишь малую ее часть.

Ван Сюань лежал спиной к нему. Спустя какое-то время, решив, что неугомонный товарищ наконец уснул, он осторожно повернулся, чтобы проверить.

В этот момент до его ушей донеслись тихие, прерывистые вздохи и шорох ткани. Ван Сюань похолодел.

Он резко развернулся и обомлел: его ненаглядный Гоудань, отбросив всякий стыд, беззастенчиво наяривал прямо в постели. У Ван Сюаня кровь прильнула к лицу — наполовину от смущения, наполовину от злости.

— Ты... совсем совесть потерял! Ну и наглец!

Гоудань лишь довольно хмыкнул. Ван Сюань вырос в деревне, но так и не научился грязно ругаться — в его арсенале самыми обидными словами оставались «бездельник», «наглец» да «бесстыдник».

— А чего сразу наглец? Сам себя обслуживаю, раз уж ты меня бросил. Мне вообще-то холодно, да и хочется...

Не дожидаясь ответа, Гоудань ловко протиснулся под одеяло. От соприкосновения их горячих тел у обоих по коже побежали мурашки. Пользуясь тем, что Ван Сюань растерялся, Гоудань крепко обнял его, подмял под себя и одним быстрым движением стянул с обоих белье, бесцеремонно забросив скомканные трусы в изножье кровати.

— Нельзя так, брат Гоудань... Это неправильно, — попытался возразить Ван Сюань, но голос его прозвучал на удивление слабо.

— И что тут неправильного? — прошептал Гоудань, прижимаясь губами к его уху. — Нам ведь не впервой.

<http://bllate.org/book/19654/1996797>